

Александр Цзи

ТИМ

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Ц55

Цзи А.

Ц55 Тим/ А. Цзи – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM,
2022. – 274 с.

ISBN 978-5-521-92706-7

Первая Волна превратила миллионы людей по всему миру в Буйных, рушащих все вокруг.

Во время Второй бесчисленные толпы ушли из городов, влекомые Дьявольской Музыкой, и пропали без вести.

Третья превратила оставшихся в Оборотней.

Но еще остались Бродяги — те, кто исследовал пустую землю.

Один из таких Бродяг — шестнадцатилетний Тим отправляется в долгое путешествие искать ответ на вопрос: кто или что уничтожило цивилизацию?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-92706-7

© Александр Цзи, текст, 2022
© Дмитрий Чертков, обложка, 2022
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА I. РОДИТЕЛИ

Ужинали мы, как обычно, вместе, за одним столом, на кухне. Отец — справа от двери, наверное, по привычке: как раз напротив на стене висел телек. Правда, сейчас он был выключен, смысла включать не было. Мать — спиной к двери. Я — спиной к телеку и лицом к отцу.

Мать приготовила борщ — вполне себе наваристый и годный, только мясо жестковатое, хотя варилось часа два, не меньше. Если вообразить, что это старая говядина, то ничего еда. Хлеб был еще теплым — мама сама его пекла раз в два-три дня. Сметаны не хватало, но не всё же сразу...

Перед родителями тоже стояли полные тарелки, но, пока я наворачивал за обе щеки, оба не притронулись к еде. Сидели, улыбались немного смущенно. Я старался не замечать этих улыбок. Когда я встану из-за стола и уйду в свою комнату, мать аккуратно выльет содержимое их с отцом тарелок обратно в кастрюлю, а кастрюлю, как остынет, поставит в холодильник.

Я им как-то уже говорил, что не стоит ломать передо мной комедию. Я ж и так знаю, что есть они не будут. Но отец забормотал, что традиции надо соблюдать. Какие традиции? Семейные?

— А дни-то все длиннее, — нарушил молчание отец, поглядев в окно. Там, за полупрозрачными занавесками, над городскими высотками заходило красное солнце. Его расплавленный диск перечеркивали веретенообразные облака, небрежно размазанные по тускнеющему небу.

— Так апрель уже, — поддакнул я, вымакивая куском хлеба остатки еды.

— Теплеет, — вздохнув, сказала мама. — Скоро лето. Самое время для путешествий...

— Каких путешествий? — не понял я.

— Загородных прогулок, например, — прищурился отец.

Я уставился на него. Он не отвел взгляда, но улыбка пропала. Я хмыкнул:

— Как же я вас-то брошу?

— Ну так... Ты уже взрослый, шестнадцать лет...

— Не в этом дело, — отрезал я.

Вмешалась мама:

— Ты ведь все понимаешь, Тима, сынок. Рано или поздно...

— Скорее поздно, чем рано, — снова перебил я. — Вы тоже все понимаете. Мне еще рано уходить. Я понимаю, лучше это сделать летом, когда тепло, но так ведь лето еще не настало, верно?

— Верно, — согласилась мать.

— Вот и отлично. — Я тоже кинул взгляд за окно. Огненный шар удивительно быстро уходил за горизонт. Пора спешить. — Ладно. Чая не надо, я воды попью у себя в комнате. Пойду, зубы почищу...

Когда вышел из ванной, в темном коридоре наткнулся на мать. Вздрыгнул.

— Ты чего, ма?

— Ничего, — смутилась та. — Ты дверь не забудь закрыть, хорошо?

— Не забуду, — заворчал я.

Прошел в свою комнату, включил лампу, осветившую привычный бардак: кучу книг на столе и кровати, полуразобранный радиоприемник, рацию и набор бит, ножей и ружье. Патронов к этому ружью найти больше не удавалось, хотя я облазил весь город.

Мать продолжала стоять на пороге, теребя пояс домашнего халата.

— Спокойной ночи, — бодро сказал я.

Она радостно и виновато улыбнулась.

Не переступая порога, я чуть наклонился и поцеловал ее в щеку. Щека была холодная. Потом я закрыл перед ней тяжелую металлическую дверь, задвинул несколько задвижек, щелкнул замком. В двери имелся глазок, закрытый пробкой. Я сделал движение — хотел вынуть пробку и выглянуть в коридор, посмотреть, там ли мать, но не осмелился.

И так понятно, что там.

Некоторое время я безуспешно пытался починить приемник, потом бросил. Зачем? Надеюсь поймать передачу? Почитал книжки, думая о другом. В последнее время литературный вымысел только раздражал. Раньше у меня был ворох книг по маркетингу, успешному менеджменту, всякие пособия по тому, как разбогатеть, особо не напрягаясь, но их я выбросил вместе с прочим хламом. Я мечтал поступить на финансовый, но теперь мечтам не суждено сбыться.

Вымышленные истории хоть развлекают, а эта макулатура ни тогда, ни сейчас никому никакой пользы не принесла.

Я выключил свет, тщательно занавесил окна, наощупь нашел под подушкой беруши и засунул в уши. Спать с ними неудобно, но все же лучше, чем слушать то, что будет происходить ночью.

* * *

Утром встал рано, как и всегда. Некогда залеживаться, когда есть важные дела.

Завтрак приготовил отец: омлет из яичного и молочного порошков. Мать копошилась в их с отцом спальне, убиралась с утра пораньше... как и каждый день.

— Я насчет нашего вчерашнего разговора, — заговорил отец. — Уходить тебе надо. С нами тебя ничего хорошего не ждет.

Я со стуком поставил кружку с кофе на стол.

— А где меня ждет хорошее?

Отец не тушевался, ответил:

— Там, где такие же, как и ты.

— Никто не знает, сколько осталось таких, как я, — ядовито произнес я. — И в кучу мы не сбиваемся, не Буйные. Все — гордые одиночки, друг с дружкой как кошка с собакой. А еды у нас еще на три месяца хватит, так что не беспокойся.

— Я и не беспокоюсь...

— А! — Меня якобы осенило. — Вы с мамой о себе беспокоитесь? Я вам еды тоже найду, не впервой.

— Это неправильно, — прошептал отец. Губы у него побелели.

— Это ты сейчас так думаешь. Ночью будешь думать иначе.

— Я не о еде! — повысил голос отец. — Когда кончится еда... твоя еда... через три месяца — что будешь делать? Осень придет, куда по холодам пойдешь? Так-то уж есть какой-никакой шанс найти своих. А мы с мамой... мы сами не знаем, что с нами будет через несколько ночей. Всё меняется, понимаешь, Тим? Всё! И мы это понимаем. Однажды мы сможем выйти из дома... Или железную дверь сломать...

Я допил кофе с напускным спокойствием.

— Ладно, я понял. Приду домой, поговорим об этом всерьез.

Отец улыбнулся жалкой улыбкой.

Я оделся и вышел из квартиры. Огляделся на лестничной площадке. Соседская дверь напрочь отсутствовала, один проем, в квартире — ни звука. Я знал, что квартира пустует уже несколько месяцев, как и все остальные квартиры нашего дома. Когда-то я не поленился — обошел все до единой квартиры. Нигде ни души, следов мародеров тоже нет. Вода и свет всюду были. Я обчистил холодильники, собрал все съедобное и еще не испорченное. Деньги, драгоценности, ноутбуки и прочее в том же духе не тронул. Такое добро сейчас никому не нужно. Взял я только пару бит и вполне себе боевую саблю, найденную в одной из квартир. Пригодятся.

Спустился по лестнице с десятого этажа — лифт, несмотря на бесперебойное электричество, почему-то не работал со Дня Икс. Ну и хрен с ним — пешком прогуляться и для здоровья полезнее, и для жизни. В лифте-то не видно, кто тебя может ждать за открывающимися дверями. Вдруг Буйный подстерегает? А на лестнице ты всегда готов к неожиданностям.

Я, к примеру, по привычке на каждом этаже выглядывал в подъездные окна. На улице — тишь да гладь. Если не обращать внимания на перевернутые и сгоревшие машины на перекрестке, можно и вовсе решить, что всё по-прежнему, по-старому...

Хотя нет. В прежнем мире по улицам сновали бы прохожие, машины бы ездили, сигналили, водители бы переругивались. Суета бы была.

А теперь никто не суетится. Некому.

На первом этаже было тихо и темно: окон здесь не предусматривалось. Я некоторое время прислушивался к тишине на улице, прильнув ухом к входной стальной двери, затем всунул со скрежетом длинный ключ в скважину, повернул. Дверь открылась. Я вышел на улицу и тщательно запер дверь. Гостей мы не ждем.

Я сразу взял курс на район, который неофициально назывался “Тайвань”. Понятия не имею, почему. Поблизости я обшарил все магазины, супермаркеты, квартиры и подвалы. И не только я. В центре и вовсе делать нечего — там всё сгорело после Первой Волны, когда Буйные чуть не разрушили весь город. А мародеры добились.

А еще потом такие, как я, растащили остатки съестного.

Денек выдался ничего себе, солнечный, безветренный, чуть прохладный, но уже чувствовалась весна. Я шел быстро — в куртке с ка-

пюшоном, джинсах, удобных кроссовках, за спиной рюкзак, в руке бита, на поясе под курткой — финский нож. Еще один нож, поменьше, скорее, стилет, а не нож, запрятан на голени под брючиной. Допустим, меня схватят, отнимут оружие... Я выхвачу этот ножичек и перережу пару глоток, прежде чем меня самого выпотрошат... М-да, пользы от него мало, но лучше перебдеть, чем недобдеть.

Двигался я по середине улицы, между замерших навеки машин, глядявая на разбитые витрины, всяческий мусор на обочинах. Нельзя расслабляться: Буйные в спячке, зашкерились в разных темных местечках, спят, но от любого сильного шума проснутся, нападут.

Из-за них-то нельзя какую-нибудь тачку завести и смотаться куда подальше. Такая толпа набежит — мало не покажется. Да и не проехать через эти застывшие пробки. Разве что на танке...

По улицам деловито шныряли голуби и воробьи. Непугаными стали, на меня — ноль внимания. Ходят себе, круглыми глазками зыркают, дрищут где не попадая. Хотя голуби и в прежнем мере дристали где ни попадая. Это хорошо, что они наглые, поймать проще... Но не сейчас, на обратном пути... Пару раз я заметил охотившуюся на голубей кошку. Судя по торчащим ребрам, в охоте ей не везло.

Кошка — это ерунда. Вот на свору оголодавших собак наткнуться — это проблема. Однажды я спрятался от них в подъезде одного дома, но когда-то милые собачены караулили меня чуть ли не до ночи, рычали, зубами скрежетали. Самое удивительное — не лаяли. Быстро научились шум не поднимать! Не горел я желанием остаться в неизвестном подъезде на ночь... Бррр! Но собаки, похоже, сами испугались наступления темноты, убрались восвояси. А я вышел и помчался домой в сумерках во всю прыть. Родители места себе не находили. Впустили меня в квартиру, сразу заставили запереться в комнате, где был ужин — изрядно остывший...

Успел я тогда в последний момент.

Дошел до Тайваня примерно через пару часов, никого не повстречав. Один раз услышал какой-то грохот в глубине сгоревшего здания, выяснять не стал. Прошел мимо магазина бытовой техники, завернул в супермаркет “Магнит” — там на первом этаже продовольственный отдел.

Прежде чем войти через полураздвинутые стеклянные двери, долго всматривался внутрь. Там горели светодиодные лампы, освещали выстроившиеся ровные ряды полок. Кассы были, понятное дело, пусты, однако сомневаться не приходится: кассовые аппараты работают исправно, можно даже чек выбить, если приспичит. Перед входом сразу за стеклянными дверями — несколько разноцветных банкоматов. Нетронутые. Это в первое время, сразу после Первой Волны мародеры банкоматы взламывали, кассы обчищали. Потом даже самые тупые доперли, что смысла брать деньги нет. Сейчас банкнотами разве что потереться можно или косяк свернуть. Хотя и для того, и другого плотная денежная бумага не особо годится.

Я протиснулся боком в дверь, осторожно направился вглубь магазина. Здесь народ уже побывал, много чего утащил, а полки со спиртными напитками и вовсе пустые. Несмотря на то, что холодильники исправно работали все эти месяцы, колбасы, сыры, мясо и прочее скоропортящееся давно испортилось. Вся эта ссохшаяся и позеленевшая жратва лежала на своих местах, покрытая инеем или льдом. Крупы, макароны, мюсли и бич-пакеты с полок испарились.

В дальнем углу с бытовой химией давным-давно перевернули полки, там громоздилась куча туалетной бумаги, рулонов бумажных полотенец, отбеливателей, средств для мытья посуды. На полу — грязные следы. Видать, заходили, когда на улице еще снег лежал.

Я грустно побродил между полупустыми полками. Ничего полезного, одна ерунда вроде лака для волос, молоточков для отбивания мяса, геля для душа и мыла. Всего этого добра я насобирав в первые дни на несколько лет вперед. Мне еда нужна — не мыло же жрать!

На улице хрустнул камень, раздались голоса, и я, не оборачиваясь, нырнул под укрытие большого морозильника с заледеневшими пельменями и крабовыми палочками. Звук был очень тихий, но слух у меня развился, как у летучей мыши, тем более что было очень тихо. У Буйных слух намного хуже, и слава яйцам. Они только на очень громкий звук реагируют. Зато как!

— Да ты задрал уже, Витя, — протянул женский голос. На самом деле она сказала не “задрал”, а другое слово, покрепче. Голос молодой, но с хрипотцой, будто орала много или курила. — Чё те вечно не нравится?

— Характер твой долбанутый не нравится, — пробурчал мужской голос, тоже молодой. Этот тип тоже сказал не “долбанутый”, а кое-что поядренее. — Выпендриваешься, когда не надо... Вот че ты сюда заперлась, а? Сто пудов обшмонали этот магаз, че тут делать?

— А ты жрать хочешь, Витя? Вот то-то. Меня от кошатины тошнит уже.

“Не тебя одну”, — хмыкнул я про себя. Погладил битую, осторожно выглянул из-за морозильника.

Так и есть. Парочка салаг, чуть старше меня. Длинный дрищ в испачканной глиной куртке — валялся он на земле, что ли? — и девка в песочно-желтом пальто. У нее, кажется, молоток в руке, у него — арматурина, обмотанная синей изолентой.

Парень принялся ворчать, вспоминать какой-то вчерашний случай, когда они по прихоти девки зашли куда-то, и их чуть не пришибли Буйные. Вот если бы она послушала умного человека!

Девка расхохоталась — не слишком громко, но язвительно. Это Витя-то умный человек? Ничтожество.

Витя оскорбился и обматерил девку, та в долгу не осталась. Послышалась возня, крик, сопение, смачный шлепок, и Витя зашипел от злости. Я снова выглянул: Витя держался за щеку и шепотом материл девку.

— Чтoб ты сдохла, — пожелал он. — Всё, я пошел. За мной побежишь — зарежу.

— Не побегу, — спокойно, хоть и задыхаясь, ответила девка.

Витя, не оглядываясь, прошагал в дверям, вышел на улицу, повернул налево. Исчез из виду.

Девка долго вслед ему не смотрела — видимо, действительно не жаждала быть с ним. Принялась ходить между полок с таким невозмутимым видом, словно шопилась еще до Дня Икс.

Я сидел за морозильником и думал, как поступить. Было бы отлично, если она сейчас поймет, что ловить здесь нечего, и уйдет. А потом и я уберусь подобру-поздорову. Не люблю общаться с другими Бродягами вроде меня. Мы все одиночки по своей сути. В большие компании если и сбиваемся, то ненадолго. Сейчас каждый думает только о себе, любимом, ни за кого жопу рвать не будет. Вот и эти двое, наверное, со-

шлись совсем недавно, перепихнуться, поговорить, когда скучно станет, а сейчас уже надоели друг дружке.

Но девка и не думала уходить. По всей видимости, сильно проголодалась — мечтала хоть что-то найти. Потихоньку приближалась ко мне. Возле морозильника остановилась, в двух шагах от меня. Я сидел как мышка. Слышал, как она отодвинула прозрачную крышку, принялась копать среди пельменей, шуршать целлофаном, выковыривать пакеты изо льда, ругаясь сквозь зубы. Пакеты вмерзли намертво, и девка подключила молоток. Удар... Еще удар... Она завозилась, тянула что-то. И вот — резкий звук, и пакет свалился прямо возле меня, лопнув и рассыпав мелкие желтые пельмешки по грязному кафелю.

Вот ведь дерьмо! Я вскочил на ноги и нос к носу столкнулся с девкой.

Для нее выскочивший невесть откуда человек явился полной неожиданностью. Она вытаращила глаза, разинула рот, чтоб заорать. Я приложил палец к губам, зашипел — мол, тихо ты!

Она и вправду не заорала. Развернулась и побежала к выходу мимо поваленной полки. Не представляю, что она подумала; наверное, что я собирался на нее напасть. Или что я — Буйный. Хотя Буйные не стали бы прикладывать палец к губам. Пролетела она мимо поваленной полки и споткнулась обо что-то. Со всего размаху, пискнув, повалилась на грудку туалетной бумаги и прочего хлама.

— Вот дура! — в сердцах пробормотал я. На душе отлегло. Пусть бежит, пусть валит, куда хочет. А я пойду своей дорогой. Меньше соблазна...

И тут произошло что-то неожиданное. Куча хлама будто взорвалась, из-под нее выскочила темная фигура и заревела, загоготала, заулюлюкала. Грязный, здоровый, бородатый тип в вязаной шапке, грязной куртке, в перчатках без пальцев.

Буйный!

Я узнал в нем Буйного не только по фирменному улюлюканью, но и по бешено сверкающим глазам. Судя по всему, он находился в режиме сна под этим мусором. Сам замаскировался, что ли? С Буйных стаеться.

Буйный вцепился в завизжавшую девку обеими руками, подтянул к себе, врезал по лицу.